

Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2023. № 4 (81). С. 7–16.
The Bulletin of Ryazan State University named for S. A. Yesenin. 2023; 4 (81):7–16.

Научная статья
УДК 94(47).083"1915"
DOI 10.37724/RSU.2023.81.4.001

Контрразведчики и косвенные улики в «деле Мясоедова» (неопубликованные архивные документы)

Вадим Олегович Зверев
Омская академия МВД России, Омск, Россия
zverevoma@mail.ru

Аннотация. В статье даются независимые общие характеристики и частично освещаются личностные и деловые качества сотрудников контрразведки, осуществлявших оперативное и следственное сопровождение дела жандармского подполковника С. Н. Мясоедова, который до наступления и с начала Первой мировой войны подозревался в сотрудничестве с германской разведкой. Делается вывод о высоком уровне профессионализма контрразведчиков, главным слагаемым которого был накопленный опыт борьбы с иностранным шпионажем в губерниях Привислинского края в условиях мира.

Представлены неизвестные ранее результаты военно-розыскной деятельности петроградского охранного отделения и контрразведки. Предварительным следствием, а позже и судом были учтены такие добытые ими косвенные улики, как связь Мясоедова с проститутками Столбиной и Магеровской, собиравшими для него в высших военных и политических кругах Петрограда важные сведения, а также с немецким бароном Э. В. Ганом, который был дискредитирован содействием немецкому шпиону фон Брюммеру. Введенные в научный оборот документы, содержащие упоминания о косвенных доказательствах вины Мясоедова, позволили усомниться в его непричастности к шпионажу и прийти к заключению о перспективности дальнейших архивных поисков и научных изысканий по этой проблеме.

Ключевые слова: контрразведчики, шпионы, следователи, С. Н. Мясоедов, филеры, проституция, судопроизводство, приговор.

Для цитирования: Зверев В. О. Контрразведчики и косвенные улики в «деле Мясоедова» (неопубликованные архивные документы) // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2023. № 4 (81). С. 7–16. DOI: 10.37724/RSU.2023.81.4.001.

Original article

Counterspies and circumstantial evidence in Myasoedov Case (from unpublished archival documents)

Vadim O. Zverev
The Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs, Omsk, Russia
zverevoma@mail.ru

Abstract. The article covers the objective general characteristics and some personal traits and professional qualities of the counterintelligence officers who participated in operational and investigative support of gendarme officer S. N. Myasoedov's case. He was suspected of collaboration with the German intelligence service during the early part of the First World War. We come to the conclusion that the high level of the counterspies' proficiency was mainly due to their experience gained in fighting foreign espionage in Vistula Land (Kingdom of Poland) in the previous peaceful decades.

The paper refers to previously unknown results of military investigative activities of the Petrograd secret police and counterintelligence, and circumstantial evidence that they found. During the pre-trial investigation and the trial such circumstantial evidence as the connection between Myasoedov and prostitutes Stolbina and Magerovskaya who gathered important information for him in the Petrograd highest military and political circles and Myasoedov's connection with German baron E. V. Hahn who was compromised by his assistance to the German spy von Brümmer. The documents now introduced into historical discourse contain references to circumstantial evidence of Myasoedov's guilt and cast doubt on his innocence. Yet further archival work may bring historians to more definitive conclusions about the issue.

Keywords: counterspies, spies, investigators, S. N. Myasoedov, trackers, prostitution, legal proceedings, sentence.

For citation: Zverev V. O. Counterspies and circumstantial evidence in Myasoedov Case (from unpublished archival documents). *The Bulletin of Ryazan State University named for S. A. Yesenin*. 2023; 4 (81):7–16. (In Russ.). DOI: 10.37724/RSU.2023.81.4.001.

Я думаю, что преждевременно раскрывать все свои карты, так как дело не закончено, спрятано в Москве, следователь Матвеев тоже живет в Москве, а главная масса обвиняемых находится на видных постах у московских коммунистов, и они могут при некоторых указаниях в прессе отыскать все дело и уничтожить и дело, и документы.

Из письма В. Г. Орлова В. Л. Бурцеву,
15 февраля 1925 года, Берлин
[ГАРФ. Ф. Р 5802. Оп. 1. Д. 454. Л. 30]

Отправной точкой в написании нашей статьи послужил ее эпиграф. Впервые эти строки прозвучали в публикации А. А. Здановича «“Дело Мясоедова”. Новый этап изучения или бег по кругу» [Зданович, 2014, с. 244]. Именно данный труд и предложенные в нем доводы в пользу гипотезы о сотрудничестве подполковника Отдельного корпуса жандармов МВД Российской империи С. Н. Мясоедова с немецкой разведкой подвигли нас к многолетней целенаправленной архивно-поисковой работе. Не скроем, найти иголку в стоге сена или сделать научное открытие о безусловной причастности Мясоедова к инкриминируемому ему деянию нам так и не удалось. Но некоторые следы преступления, а точнее, косвенные улики все-таки были обнаружены. В дальнейшем акцент будет сделан лишь на отдельных и малознакомых успехах военно-розыскной деятельности царских спецслужб.

Предваряя введение в научный оборот уникальных архивных документов и их авторскую интерпретацию, будет справедливым отметить наличие широкой источниковой и историографической базы «дела Мясоедова». Начиная с мемуарной литературы [Фрейнат, 2018] и статьи К. Ф. Шацилло [Шацилло, 1967] и заканчивая значительным теоретическим наследием последних лет, большинство исследователей склоняются к мысли о непричастности Мясоедова к иностранному шпионажу. Этой версии придерживается и О. Р. Айрапетов, одним из первых представивший ее историографический обзор (с пометой «Историография вопроса немногочисленна») [Айрапетов, 2009, с. 3]. Между тем в обзоре не были отмечены мемуары начальника германской разведки В. Николаи [Николаи, 1925], труды К. К. Звонарева [Звонарев, 1931], Д. Сейдаметова и Н. Шляпникова [Сейдаметов, Шляпников, 1939], И. Никитинского и П. Софинова [Никитинский, Софинов, 1942], А. Я. Авреха [Аврех, 1990]. Первый и последний авторы из этого перечня считали, что обвинения в адрес Мясоедова были ложными. Советские же историки, напротив, придерживались точки зрения о том, что Мясоедов был ценным агентом германского генерального штаба.

Ввиду узких рамок данной статьи мы не стремились к раскрытию научного вклада своих предшественников, и поэтому ограничимся лишь состоявшимся упоминанием взглядов некоторых из них.

Итак, переходя к изложению документальных свидетельств, подтверждающих возможные связи Мясоедова с военным противником, прежде вернемся к вышеупомянутому труду А. А. Здановича. Исследователь в несколько эмоциональной форме попытался оспорить высказывание кандидата исторических наук В. Каширина о «низком профессионализме борцов со шпионами» [Зданович, 2014, с. 238]. Разделяя точку зрения Здановича, приведем ряд дополнительных доказательств в пользу высокого профессионализма руководителей русской контрразведки периода Первой мировой войны. В первую очередь речь пойдет о тех из них, кто принимал в разоблачении Мясоедова самое непосредственное и деятельное участие.

Таким, прежде всего, был Николай Степанович Батюшин — крупнейший специалист по вопросам организации борьбы с германским и австрийским шпионажем в России с начала и во время мировой войны. Доказательством сказанного являются высокие результаты оперативно-служебной деятельности Батюшина и возглавляемых им в разное время разведывательных/контрразведывательных подразделений, сведения о чем по «крупнякам» собраны в фондах Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), неоднократно обобщены и проанализированы автором данной статьи на страницах научных журналов, в том числе в «Известиях Смоленского государственного университета» [Зверев, Иванов, 2022, с. 144–147].

Заметим, что образ Н. С. Батюшина в контрразведывательной истории России первой четверти XX века (период с 1900-х по 1917 год) если и не идеализирован, то героизирован¹ точно — в смысловом диапазоне от «героя невидимого фронта» до «патриота-мученика». При чем эта проблематика, нашедшая свое отражение в десятках ведомственных документов той поры, никоим образом не прослеживается на страницах личного дела Батюшина. Поэтому, не встретив в архивах служебной характеристики на этого офицера и генерала, обратимся к независимой оценке.

Похвальный отклик в адрес Н. С. Батюшина (и, по сути, ряда его единомышленников и коллег) находим в воспоминаниях В. Л. Бурцева. В мае 1916 года, отстаивая честное имя генерала во главе образованной им комиссии по борьбе со спекуляцией и шпионажем, Бурцев писал: «Ген. Батюшин... и некоторые из его сотрудников... по праву считались специалистами по борьбе с немецким шпионажем. За ген. Батюшиным были расследования по делу Мясоедова, борьба с немецким шпионажем в Риге и т. д., а за членами его комиссии был также ряд проведенных ими крупных дел, напр., полк. Резанову и Логвинскому принадлежит заслуга уничтожения гнезда немецкого шпионажа в Петрограде — гост. “Астория”» (курсив наш. — В. З.) [ГАРФ. Ф. 336. Оп. 1. Д. Р 67. Л. 10]. Трудно не согласиться со сказанным, так как Бурцев запомнился своим современникам и нам (потомкам) как человек честный и принципиальный, весьма осведомленный, неустанный и последовательный разоблачитель, бесстрашный борец с царизмом и большевизмом. Вряд ли литератор и издатель с такой репутацией мог публично защищать Батюшина (в том числе с трибуны сборника статей «Будущее»), имея лишь приблизительное или же неверное представление о нем и его служебных делах. Бурцев не скрывал, что в его руках «собрался богатый материал... о немецких шпионах», а также ряд «писем от очень авторитетных лиц», где виден «беспристрастный и, кажется, правильный взгляд на комиссию Батюшина» [Там же, л. 35].

Допускаем, что после Русско-японской войны Н. С. Батюшин был осведомлен о текущем состоянии всех военно-розыскных дел (и «дело Мясоедова» не стало исключением). Как известно, обнаружение подозреваемых в шпионаже лиц — это лишь первая стадия уголовно-правового преследования. А вот второй (по логике), но не менее сложной, чем первая, является стадия формального дознания и (или) предварительного следствия. В этой части сподвижниками Батюшина были следователь по особо важным делам Варшавского окружного суда Петр Николаевич Матвеев, а также товарищ прокурора Варшавской судебной палаты Василий Дмитриевич Жижин. Какие отзывы сохранила об этих людях история Первой мировой войны?

¹ Данный термин в статье использован как положительный эпитет.

В своем письме министру юстиции А. А. Хвостову от 14 августа 1915 года № 7937 главнокомандующий армиями Северного фронта генерал-майор Н. В. Рузский дал по-военному краткую, емкую и точную характеристику П. Н. Матвееву и В. Д. Жижину. По мнению военачальника, они принесли «громдную пользу армии» своей работой по расследованию за годы войны ряда дел по шпионажу, в том числе «обширного, сложного и выдающегося дела о Мясоедове и соучастниках» (курсив наш. — В. З.) [РГВИА. Ф. 2031. Оп. 4. Д. 62. Л. 7]. После такого авторитетного высказывания сомневаться в профессионализме названных судебных работников не приходится.

Подытоживая общую положительную оценку деятельности участников оперативно-следственной группы по «делу Мясоедова», важно упомянуть еще о двух исторических личностях. Первая — это жандармский подполковник Сергей Васильевич Леонтович, начальник контрразведки штаба главкома армиями Северо-Западного фронта (напомним, контрразведка была структурным подразделением фронтовой разведки и подчинялась ее начальнику, в данном случае — полковнику Н. С. Батюшину). Именно Леонтович, как верно заметил А. А. Зданович, занимался дальнейшей разработкой агентурного дела Мясоедова [Зданович, 2014, с. 243].

Что удалось узнать о якобы «низком профессионализме» (фраза принадлежит В. Каширину) этого офицера? В архивах сохранились редкие, но весьма информативные свидетельства о некоторых фрагментах довоенной службы ротмистра С. В. Леонтовича в должности начальника жандармского управления Лодзинского и Ласского уездов Петроковской губернии. Как выяснилось, к примеру, осенью 1912 года в городе Лодзи ротмистр отличился (будучи во главе группы захвата) в ходе обезвреживания особо опасной шайки под началом некоего Иосифа Пионтека, безнаказанно совершившей целый ряд убийств и грабежей. Начальник жандармского управления своевременно получил агентурные данные о местонахождении преступников, сформировал отряд из нижних чинов своего управления и лодзинского охранного отделения, спланировал быструю и грамотную операцию по задержанию [ГАРФ. Ф. 1683. Оп. 1. Д. 31. Л. 156–157]. За умелое руководство, «энергичные, самоотверженные и полные преданности долгу службы действия» ротмистр Леонтович был неоднократно поощрен. Он снискал благодарность из уст командира Отдельного корпуса жандармов генерал-лейтенанта В. А. Толмачева и начальника Петроковского губернского жандармского управления полковника И. Н. Астафьева [Там же]. А 6 ноября 1912 года помощник Варшавского генерал-губернатора по полицейской части генерал-лейтенант Л. К. Утгоф вручил Леонтовичу высочайше пожалованный подарок — золотые закрытые часы с государственным гербом [Там же, л. 159].

Подобный профессиональный успех и рвение по службе, полагаем, не были эпизодическими. Иначе как объяснить поощрения ротмистра С. В. Леонтовича и другими высокими наградами — орденами Святого Владимира 4-й и 2-й степени с грамотами к ним 31 января и 22 июня 1912 года [Там же, л. 31, 129]?

Второй (по субординации после С. В. Леонтовича) и последней в нашем перечне исторической фигурой был переводчик при разведывательном отделении штаба Северо-Западного фронта прапорщик Владимир Григорьевич Орлов (6 марта 1915 года его назначили военным следователем при ставке главковерха). Вероятно, он должен был содействовать следствию, переводя на русский язык показания шестерых фигурантов по «делу Мясоедова», немцев — германских подданных (Бауэрмейстеры (три брата и их мать), Скопник, Берендт).

В первоисточниках имя В. Г. Орлова фигурирует пусть и эпизодически, но многократно, особенно в канун Первой мировой войны (он был одним из самых востребованных и успешных судебных следователей в Варшавском судебном округе). Вот как отзывался о прапорщике начальник петербургской военно-окружной контрразведки ротмистр В. В. Сосновский (будущий руководитель контрразведки отделения штаба главкома армиями Северного фронта) 21 марта 1914 года: «Орлов, как мне известно, очень ревностно и охотно относится к делам, возбуждаемым в отношении лиц, привлекаемых по обвинению в военном шпионстве, большая практика в каковых делах создала ему славу авторитета» [РГВИА. Ф. 2126. Оп. 7. Д. 65. Л. 312].

Сказанное убеждает нас в том, что значительная часть сотрудников царской контрразведки в довоенное время и вопреки трудностям военной поры ежедневно, настойчиво и достойно выполняли свой служебный долг перед царем и отечеством, демонстрируя при этом способность решать профессиональные задачи любого уровня сложности. Не считаясь с личным временем, а порой участвуя в операциях, сопряженных с опасностью для жизни и здоровья, контрразведчики вели непримиримую борьбу с угрозами внешней безопасности Российской империи.

Теперь изложим содержание второй половины статьи. Центральное место в ней будет отведено избирательному анализу конкретного документа статистической отчетности контрразведки и ранее неизвестных специалистам и широкой научно-исторической общественности результатов военно-розыскной деятельности петроградского охранного отделения с целью раскрытия косвенных улик по интересующему нас делу.

В хранилищах Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА) находится документ «Сводка полученных в районе армий Северо-Западного фронта сведений о лицах, заподозренных в государственной измене и военном шпионстве с 1 января по 1 мая 1915 г.» (далее — Сводка) [РГВИА. Ф. 2019. Оп. 1. Д. 812. Л. 1–100]. Это стандартный, весьма объемный, информативный и, на первый взгляд, особо непримечательный служебный отчет. Однако при ближайшем рассмотрении видно, что в итоговое число потенциальных преступников (1 069 человек) попала и фамилия «Мясоедов», который являлся главным фигурантом одного из самых резонансных уголовных дел в Российской империи XX века, отголоски чего слышны и сегодня.

Памятуя о том, что все аресты по «делу Мясоедова» были проведены до 18 января 1915 года, а 11 марта того же года следователь П. Н. Матвеев уже закончил предварительное расследование, можно воспринимать Сводку (ее подписание подполковником С. В. Леонтовичем датируется ориентировочно маем 1915 года) в качестве итогового документа о проделанной контрразведкой работе. Обратимся к некоторым результатам этой работы.

В разработку контрразведывательного отделения штаба главнокомандующего армиями Северо-Западного фронта, а также восьми подразделений политической полиции в разное время попали Мясоедов (№ 45 в Сводке), а вслед за ним еще 35 человек (№ 46–80) [РГВИА. Ф. 2019. Оп. 1. Д. 812. Л. 5–8]. Сразу оговоримся, что столь значительное количество фигурантов заставляет задуматься о существовавшей в России в течение довоенных лет и первых месяцев войны целой шпионской сети. Но возможно ли это было при отлаженной системе жандармско-полицейского сыска и образованных в 1911 году контрразведывательных отделений Военного министерства России? Да, кроме того, здравый смысл подсказывает, что чем больше лиц являются носителями какого-то тайного знания, тем выше вероятность его утраты с последующим разоблачением всех членов соответствующей организации. Предполагаем, что немалая часть «новоявленных 35 шпионов» не имела даже схематичного представления о тех криминальных деяниях, которые им инкриминировали.

Изучая конкретные позиции Сводки, склоняемся к мысли о том, что «доказательственная база» против ряда фигурантов была малоубедительной и однотипной: «находился в сношениях с казненным Мясоедовым» (Г. З. Берендт, Г. А. Урбан, Г. Э. Михельсон и др.) или «находился в постоянных сношениях с казненным Мясоедовым» (Г. И. Кайлак, И. К. Карпов, М. А. Шмидт и др.). Наконец, основаниями для подозрений послужили не только сведения агентов, но и, как это ни парадоксально прозвучит, анонимные заявления (все те же И. К. Карпов, М. А. Шмидт). Возможно, именно по причине отсутствия веских доводов Берендт, Урбан, а также А. Липшиц, И. Фрид и некоторые другие объекты оперативных разработок и участники следствия со временем были освобождены от уголовной ответственности [ГАРФ. Ф. 215. Оп. 1. Д. 848. Л. 10, 34].

В то же время встречаем обоснования преступной деятельности, полученные агентурным путем, с убедительностью которых сложно не согласиться. Например, члены семьи Бауэрмейстеров были уличены «в сношениях с казненным Мясоедовым, от которого получали сведения о государственной обороне России для германского генерального штаба» [РГВИА. Ф. 2019. Оп. 1. Д. 812. Л. 5]. С. Я. Фрейдберг «состоял агентом-резидентом в Копенгагене и являлся связью между шпионами, находящимися в России, и германским генеральным штабом» [Там же, л. 6]. Не менее серьезные основания для подозрения в шпионаже были добыты в отношении О. Л. Ригерта и П. С. Гольштейна (первый из них «состоял агентом-резидентом в Вильно», второй — «подрядчиком у русских войск и этим путем добывал сведения военного характера»). Однако, как свидетельствуют архивные данные, Ада, Густав, Павел и Александр Бауэрмейстеры, С. Я. Фрейдберг и П. С. Гольштейн сумели скрыться за границей, были объявлены в розыск Департаментом полиции МВД, а «дело в отношении их было приостановлено впредь до явки или задержания» [ГАРФ. Ф. 221. Оп. 1. Д. 17. Л. 2]. В отличие от них Б. Фрейдбергу избежать наказания не удалось — по решению военно-полевого суда он был повешен [Там же. Ф. 215. Оп. 1. Д. 848. Л. 14]. Такая же участь постигла Шлиму и Айрона Зальцманов [Там же. Ф. 222. Оп. 1. Д. 1017. Л. 428]. Были и те,

кого приговорили к каторжным работам и ссылке на поселение, а также еще раньше, ввиду прекращения предварительного следствия, выслали в Вологодскую губернию.

Таким образом, часть фигурантов уголовного судопроизводства понесли суровое наказание (приведенные выше данные об осужденных не являются исчерпывающими), но были и оправданные. Значит, контрразведчики либо предоставили недостоверные или недостаточно веские доказательства причастности к шпионажу, либо ошибались в своих выводах. А каковы были результаты военно-розыскной деятельности (косвенные улики) по самому Мясоедову? Отвечая на данный вопрос, обратимся лишь к тем из них, которые ранее не публиковались или совсем кратко отмечались в трудах историков, исследовавших обстоятельства «дела Мясоедова».

В Сводке под № 59 числится некая Е. А. Столбина. Она, как видно из соответствующей графы в документе, «находилась в близких интимных сношениях с казненным Мясоедовым. Вращалась в высших сферах петроградского общества, узнавала настроение такового и потом передавала Мясоедову. Знакомилась с военными чинами в целях получения сведений о военных действиях русских войск» [РГВИА. Ф. 2019. Оп. 1. Д. 812. Л. 7]. Подтверждение этой формальной записи встретилось нам в письме товарища прокурора Варшавской судебной палаты В. Д. Жижина вице-директору 1-го департамента Министерства юстиции А. В. Лядову от 3 ноября 1915 года № 51. Действительно, в течение нескольких лет до дня своего ареста подполковник Мясоедов находился в интимных отношениях с жительницей Петрограда Столбиной [ГАРФ. Ф. 222. Оп. 1. Д. 1017. Л. 517]. Установленным за Столбиной и ее подругой Н. Ф. Магеровской (№ 60 в Сводке) наружным наблюдением выяснилось, что обе женщины, «ведя рассеянный [развратный] образ жизни, поддерживали знакомства в высших военных и придворных кругах» [Там же]. В этом был заинтересован и Мясоедов, при посредничестве которого, как считала фронтовая контрразведка, «германские военные власти стремились получить сведения о настроениях в высших военных и придворных кругах по поводу войны и возможности заключения мира» [Там же].

Допускаем, что Столбина и, вероятнее всего, ее подруга могли быть ловко, в том числе «втемную», использованы в целях осведомления самим Мясоедовым. Работая в аппарате разведки 10-й армии, знакомясь с ведомственной перепиской (пусть и с ограниченной формой доступа), он не мог не знать, что проституция являлась традиционным и надежным инструментом сбора военных сведений о боеспособности передовых частей русской армии. Догадывался он и о том, что немалая часть офицеров (будучи в командировке, отпуске или на излечении в тылу), желая произвести впечатление на женщин в интимной обстановке, быстро забывали про нормы служебной этики и, по причине собственной болтливости, раскрывали военные тайны. Приюты разврата, довольно обыденные в тылу, встречались в прифронтовых городах, например в Риге. Только осенью 1915 года военные власти выдворили оттуда более 300 жриц любви.

Проституция как военно-криминальная угроза имела распространение и в Петрограде. Так, из переписки спецслужб штаба главнокомандующего армиями Северного фронта следует, что в столице обращали на себя внимание «кокотки и посетительницы различных кафе своим развязанным обращением с посетителями-офицерами... Они себя называли варшавянками и латышками, но в разговорах была заметна немецкая речь» [РГВИА. Ф. 2031. Оп. 4. Д. 806. Л. 243]. По другим данным контрразведки, некто Китайская и Румак считались «девицами легкого поведения» и имели обширные связи в военной среде, причем последняя из них «вела знакомство» с уполномоченным председателя Особого совещания по обороне государства генерал-майором С. Л. Фуфаевским [ГАРФ. Ф. 222. Оп. 1. Д. 1017. Л. 125].

Из приведенных данных видно, что проституция проникла во все сферы российского общества, начиная с его низов и заканчивая высшим светом, в котором могли вращаться, оказывать интимные услуги и, как бы невзначай, выведывать важные сведения в том числе и подруги Мясоедова — Столбина с Магеровской. И, вероятнее всего, их пребывание в «высших военных и придворных кругах» выстраивалось на платной основе. В обратном случае затруднительно объяснить тот факт, что, находясь в действующей армии в феврале 1915 года, Мясоедов перевел через банк Магеровской 210 руб. [ГАРФ. Ф. 222. Оп. 1. Д. 1017. Л. 518].

В отличие от выясненных столичными филерами «порочных связей» и весьма «странной» разовой финансовой операции, знания о которых имели все же гипотетический характер, так и остался нераскрытым вопрос о том, обладателями каких секретов стали вышеназванные женщины.

Розыск и предварительное расследование осложнялись не только многочисленными загадками, но и трудностями иного характера. Так, из копии телеграммы В. Д. Жижина на имя генерал-майора М. Д. Бонч-Бруевича от 13 марта 1915 года узнаем, что «на днях на 667-й версте Варшавской линии Северо-Западных ж. д. путевым сторожем задержан подозрительный человек в офицерской форме и сапогах германского образца с портфелем, наполненным сторублевыми бумажками... Дежурному прапорщику охраны задержанный сказал, что ехал по поручению Мясоедова...» [ГАРФ. Ф. 222. Оп. 1. Д. 1017. Л. 90]. Данная информация, ввиду своей нарочитости, напоминает наспех сфабрикованный компромат против Мясоедова либо нелепый пример шпионской деятельности, или же ее имитацию. Имя «главного изменника Родины» звучало во всех крупных столичных газетах, было в умах и на устах публики. Поэтому, думаем, могли найтись «люди-подражатели», пожелавшие прикоснуться к популярности если и не дуэлянта Мясоедова, то уж точно шпиона. Помощнику прокурора предстояло проверить полученный сигнал, для чего он и запросил «...доставить в Варшаву задержанного и отобранное у него» [Там же].

Судя по тому, что изложенное обстоятельство не получило дальнейшего освещения в архивных документах (не говорится о нем и в опубликованных трудах), можно предположить, что в действительности оно не представляло для следствия по «делу Мясоедова» какого-либо интереса.

Перейдем к последней косвенной улике из числа обнаруженных автором статьи в российских архивохранилищах. По имевшимся в распоряжении контрразведки штаба 12-й армии оперативным данным (на 5 ноября 1915 года), Мясоедов при жизни имел «связь» с будущим участником нелегального германофильского общества в Лифляндии «Дейтше Ферейн» — бароном Ганом Эдмундом-Феликсом Владиславовичем. Как удалось установить контрразведчикам, барон «широко содействовал фон Брюммеру в шпионстве в пользу Германии» [РГВИА. Ф. 2031. Оп. 4. Д. 491. Л. 82].

Из данной фразы неясно, в чем заключалась содействие Гана, а вот о преступных деяниях фон Брюммера было известно немало. Согласно агентурному источнику и показаниям очевидцев, он был «причастен к делу внезапного нападения и окружения 20-го [русского] корпуса в Восточной Пруссии. Предупредил германцев о подготавливаемом русскими войсками обходе неприятеля под Варшавой. Намерен вместе с князем Куропаткиным [бывший лифляндский вице-губернатор, командир 24-го рижского санитарного отряда], в случае удачи немцев на Двине, передать им 24-й рижский санитарный отряд. Укрывал в имении немцев-разведчиков» [РГВИА. Ф. 2031. Оп. 4. Д. 491. Л. 77].

Размышляя о достоверности приведенной улики (связи Мясоедова с одним из упомянутых немецких баронов), обращаем внимание на то, что соответствующие данные об Э. В. Гане и фон Брюммере были изложены на типографских бланках «Сведения на лицо, заподозренное в военном шпионстве», что говорит о следующем. Во-первых, сведения были формой строгой (то есть безошибочной) отчетности и направлялись в вышестоящий орган. Во-вторых, прямую криминальную связь или частичную характеристику таковой в цепочках «Мясоедов — Ган» и «Мясоедов — Ган — фон Брюммер» мы не обнаружили, но «тень подозрения» на Мясоедова, безусловно, была брошена. В-третьих, названные документы увидели свет лишь спустя полгода после исполнения приговора в отношении Мясоедова. Поэтому составителя отчетов на Э. В. Гана и фон Брюммера — начальника армейской контрразведки подполковника Б. В. Фока — трудно упрекнуть в какой-либо форме служебной заинтересованности и тем более в причастности к какому-то заговору спецслужб по «делу Мясоедова».

Завершая рассуждения о «гипотетической виновности» Мясоедова, нельзя забывать, что обвинительные приговоры в отношении большинства вышеназванных и неупомянутых в данной статье фигурантов, преступно-шпионская роль которых была доказана следствием и судом, также являются косвенной уликой сотрудничества Мясоедова с германской разведкой.

Наконец, изучение положений приговора, предъявленного подполковнику С. Н. Мясоедову, наводит на мысли об объективности судопроизводства. В противном случае непонятно, по какой причине оправдан подсудимый по двум пунктам обвинения в шпионаже: «...Что же касается обвинения подполковника Мясоедова, что он, осведомившись о последовавшем передвижении 22-го армейского корпуса из состава X-й армии на Юго-Западный фронт и связанного с этим временного ослабления армии, а также лично убедившись в том, что левый фланг армии ослаблен — через посредство не обнаруженного лица, довел об этом до сведения германских властей — то в таковом деянии суд признал Мясоедова *не виновным*.

Точно также обвинение подполковника Мясоедова в получении от своего помощника по производству тайной разведки сведений о том, какие именно германские воинские части 14 февраля 1915 г. находились в г. Мариуполе и его окрестностях, умышленно, с целью способствовать неприятелю в его военных против нас [против России] действиях — то таковое обвинение суд не признал и считает Мясоедова в указанном деянии *не виновным*» [ГАРФ. Ф. 222. Оп. 1. Д. 1017. Л. 194].

Следовательно, данные судебные решения абсолютно не соотносятся с парадигмой о фальсифицированном характере судебных разбирательств, предрешенности «дела Мясоедова», господствующей в отечественной историографической традиции. А те суждения (например, утверждения советских историков), которые все-таки совпадают с «квазишпионской логикой», но при этом являются явно поспешными и ошибочными, необходимо опровергать. Так, К. Ф. Шацилло называет «фантазией» перечень целей и «прейскурант цен», предложенных подпоручику Я. П. Колаковскому, завербованному германской разведкой русскому военнопленному, перед которым была поставлена задача связаться с Мясоедовым (взорвать мост через реку Вислу у Варшавы (награда — 200 тыс. руб.), убить верховного главнокомандующего Н. Н. Романова (1 млн руб.), переговорить с комендантом крепости Новогеоргиевск о ее сдаче (1 млн руб.)) [Шацилло, 1967, с. 111]. Тем временем отдельные документы, хранящиеся в Государственном архиве Российской Федерации и Российском государственном военно-историческом архиве, подтверждают наличие на Восточном фронте не «фантастической», а реальной картины диверсионной и террористической деятельности германских агентов. Насколько нам известно, отдельным из них действительно сулили немалое вознаграждение, к примеру, за подрыв моста через реку Двину и организацию сдачи Новогеоргиевской крепости. Что же касается великого князя Н. Н. Романова, то его жизнь оценивалась в 1 млн руб. Именно такой гонорар, по данным штаба Северного фронта, обещали выплатить в случае успеха германскому шпиону — пленному ефрейтору 52-го Сибирского стрелкового полка Е. Соломонову [РГВИА. Ф. 2031. Оп. 4. Д. 361. Л. 49]. Планировались также покушения на убийство императора Николая II, генерала от инфантерии Н. В. Рузского, начальника контрразведки штаба главнокомандующего армиями Северного фронта в Юрьевском районе (Лифляндская губерния) ротмистра А. А. Красильникова.

Таким образом, борьбой со шпионажем в начале-середине Первой мировой войны, и в особенности на ее «западноевропейском направлении», занимались истинные патриоты и профессионалы — контрразведчики (руководители, секретные сотрудники, филеры, следователи), многие из которых имели значительный опыт выявления шпионов и привлечения их к уголовной ответственности еще в мирный период. Судя по встретившимся нам внутри- и межведомственным перепискам, военная контрразведка совместно с политической полицией вела ежедневную, напряженную и кропотливую работу по всем и каждому, кто попадал в ее поле зрения. Выяснялась возможная причастность к шпионской среде сотен-тысяч дезертиров (в частности «перебежчиков») и других категорий бывших военнопленных, герmanoфилов, прежде всего из числа «остзейских» дворян, а также иностранцев, добровольцев из числа подростков, проституток и др. Контрразведка обеспечивала безопасность не только действующей армии, но и государственного аппарата в целом. Отрабатывалась версия о наличии возможных преступных контактов с австрийской разведкой фрейлины государыни императрицы М. А. Васильчиковой. Контрразведчики взяли под наблюдение И. Ф. Манасевича-Мануйлова и установили его широкие связи в высших военных, политических и экономических кругах (В. А. Сухомлинов (в бытность его военным министром), товарищ министра внутренних дел С. П. Белецкий, Г. Распутин, Д. Рубинштейн и др.).

«Делу Мясоедова», оперативным сопровождением которого также занимались органы контрразведки, следовало бы затеряться среди сотен расследованных шпионских дел, если б не возникший вокруг него общественный резонанс. Но если абстрагироваться от крупномасштабной политической инсинуации, в центре которой оказался Мясоедов, и сосредоточиться лишь на описании его неприглядного облика, то что же мы увидим? К. Ф. Шацилло сказал кратко, метко и содержательно: «мародер и развратник, контрабандист и охранник, топтавший ногами арестованных» [Шацилло, 1967, с. 103]. Остается только добавить — авантюрист; «игрок» с выраженным стремлением к наживе (получение «легких денег»); энергичный и предприимчивый человек; любитель рискованных предприятий; морально-деформированный, беспринципный

и околкриминальный тип личности. А последним штрихом к портрету станет отзыв о казненном его родного брата Дмитрия — фронтовика, подполковника 3-го гусарского Елисаветградского полка: «Не существующий к счастью негодяй... первый и последний за 450 лет нашего доблестного рода» [ГАРФ. Ф. 555. Оп. 1. Д. 1005. Л. 2].

Объективный портрет Мясоедова совершенно не соответствует той личине, которую он примерил на себя в русском обществе, государстве и его армии — законопослушный и добропорядочный подданный, богобоязненный христианин, образцовый, верный присяге и надежный офицер, государственник. В действительности же — в быту и на службе — он был «двуликим Янусом», человеком «с двойным дном». Следовательно, есть основание согласиться с мнением А. А. Здановича о том, что Мясоедов «мог стать объектом вербовочной разработки...» [Зданович, 2014, с. 242].

Подтверждением причастности Мясоедова к шпионажу являются ранее приведенные нами улики. Причем, несмотря на их косвенный характер и, следовательно, второстепенное значение, они по-прежнему являются доказательствами вины. Как известно, «дыма без огня не бывает».

Полагаем, что пока преждевременно говорить о завершении архивно-поискового и научно-исследовательского интереса к одному из самых громких уголовных дел эпохи российского самодержавия — «делу Мясоедова». Тем более что дело это, как прозвучало в эпитафии, «не закончено, спрятано в Москве» [ГАРФ. Ф. Р 5802. Оп. 1. Д. 454. Л. 30].

Список источников

1. Аврех А. Я. Чрезвычайная следственная комиссия временного правительства: замысел и исполнение // Исторические записки / под ред. А. М. Самсонова. — М., 1990. — Т. 118. — С. 79–87.
2. Айрапетов О. Р. «Дело Мясоедова». XX век начинается... // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. — 2009. — № 2. — С. 3–23.
3. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). — Ф. 215. — Оп. 1. — Д. 848 ; Ф. 221. — Оп. 1. — Д. 17 ; Ф. 222. — Оп. 1. — Д. 1017 ; Ф. 336. — Оп. 1. — Д. Р 67 ; Ф. 555. — Оп. 1. — Д. 1005 ; Ф. 1683. — Оп. 1. — Д. 31 ; Ф. Р 5802. — Оп. 1. — Д. 454.
4. Зверев В. О., Иванов В. А. Царская контрразведка в лицах. Следователи по особо важным делам (1908–1915 гг.) // Известия Смоленского государственного университета. — 2022. — № 4 (60). — С. 142–152.
5. Звонарев К. К. Агентурная разведка. — М., 1931. — Т. 2 : Германская агентурная разведка до и во время войны 1914–1918 гг. — 163 с.
6. Зданович А. А. «Дело Мясоедова». Новый этап изучения или бег по кругу // Новейшая история России. — 2014. — № 3. — С. 234–246.
7. Никитинский И., Софинов П. Немецкий шпионаж в России во время войны 1914–1918 гг. — Тбилиси, 1942. — 46 с.
8. Николай В. Тайные силы. Интернациональный шпионаж и борьба с ним во время Первой мировой войны и в настоящее время. — М., 1925. — 676 с.
9. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). — Ф. 2019. — Оп. 1. — Д. 812 ; Ф. 2031. — Оп. 4. — Д. 62, 491, 806, 848 ; Ф. 2126. — Оп. 7. — Д. 65.
10. Сейдаметов Д., Шляпников Н. Германо-австрийская разведка в царской России. — М., 1939. — 69 с.
11. Фрейнат О. Г. Правда о деле Мясоедова и др. по официальным документам и личным воспоминаниям. — Вильна, 1918. — 171 с.
12. Шацилло К. Ф. «Дело» полковника Мясоедова // Вопросы истории. — 1967. — № 2. — С. 103–116.

References

1. Avrekh A. Ya. Extraordinary Investigaton Commission of the Provisional Government: its design and execution. *Istoricheskiye zapiski* [Historical notes]. Ed. by A. M. Samsonov. Moscow, 1990, vol. 118, pp. 79–87. (In Russian).
2. Airapetov O. R. “The Myasoyedov Case,” as the Twentieth century begins... *Vestnik Ryazanskogo gosudarstvennogo universiteta imeni S. A. Yesenina* [Bulletin of the Ryazan State University named for S. A. Yesenin]. 2009, iss. 2, pp. 3–23. (In Russian).
3. *Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii (GARF)* [State Archive of the Russian Federation (GARF)]. F. 215. Op. 1. D. 848; F. 221. Op. 1. D. 17; F. 222. Op. 1. D. 1017; F. 336. Op. 1. D. R 67; F. 555. Op. 1. D. 1005; F. 1683. Op. 1. D. 31; F. R 5802. Op. 1. D. 454. (In Russian).

4. Zverev V. O., Ivanov V. A. The Tsar's counterintelligence in persons. Investigators in especially important cases (1908–1915). *Izvestiya Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta* [News of Smolensk State University]. 2022, iss. 4 (60), pp. 142–152. (In Russian).
5. Zvonarev K. K. *Agenturnaya razvedka* [Secret intelligence]. Moscow, 1931, vol. 2: German intelligence before and during the war of 1914–1918, 163 p. (In Russian).
6. Zdanovich A. A. “The Myasoedov Case.” A new stage in its investigation, or Running in circles. *Noveyshaya istoriya Rossii* [Contemporary history of Russia]. 2014, iss. 3, pp. 234–246. (In Russian).
7. Nikitinsky I., Sofinov P. *Nemetskiy shpionazh v Rossii vo vremya voyny 1914–1918 gg.* [German espionage in Russia during the war of 1914–1918]. Tbilisi, 1942, 46 p. (In Russian).
8. Nikolai V. *Taynyye sily. Internatsionalnyy shpionazh i borba s nim vo vremya Pervoy mirovoy voyny i v nastoyashcheye vremya* [Secret forces. International espionage and the fight against it during the First World War and at present]. Moscow, 1925, 676 p. (In Russian).
9. *Rossiyskiy gosudarstvennyy voyenno-istoricheskiy arkhiv (RGVIA)* [Russian State Military Historical Archive (RGVIA)]. F. 2019. Op. 1. D. 812; F. 2031. Op. 4. D. 62, 491, 806, 848; F. 2126. Op. 7. D. 65. (In Russian).
10. Seydametov D., Shlyapnikov N. *Germano-avstriyskaya razvedka v tsarskoy Rossii* [German-Austrian intelligence in Tsarist Russia]. Moscow, 1939, 69 p. (In Russian).
11. Freynat O. G. *Pravda o dele Myasoyedova i dr. po ofitsialnym dokumentam i lichnym vospominaniyam* [The truth about the case of Myasoedov and others according to official documents and personal memoirs]. Vilna, 1918, 171 p. (In Russian).
12. Shatsillo K. F. “The Case of Colonel Myasoedov. *Voprosy istorii* [Issues of History]. 1967, iss. 2, pp. 103–116. (In Russian).

Информация об авторе

Зверев Вадим Олегович — доктор исторических наук, доцент, начальник кафедры психологии и педагогики в деятельности органов внутренних дел Омской академии МВД России.

Сфера научных интересов: история иностранного шпионажа и отечественной контрразведки в Российской империи в первой четверти XX века (1900–1917 годы).

Information about the author

Zverev Vadim Olegovich — doctor of history, associate professor, head of the Chair of Psychology and Pedagogy in Internal Affairs Bodies of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Research interests: history of foreign espionage and counterintelligence in the Russian Empire in the first quarter of the twentieth century (1900–1917).

Статья поступила в редакцию 12.06.2023; принята к публикации 25.08.2023.

The article was submitted 12.06.2023; accepted for publication 25.08.2023.